

Э. М. СПИРОВА
Герменевтический
круг

Для уяснения смыслового единства термина «герменевтика» важно отвлечься от стремления

сближать его с «интерпретацией» — понятием латинской традиции, сыгравшим неблагоприятную роль в понимании герменевтики. Слово «интерпретация» имеет префикс, который несет смысловую нагрузку понятия «посредник». Значение это фактически привнеслось и в герменевтику, этимология которой долгое время была неясна. Результатом такого смещения оказалось то, что греческое (по его корням) понятие стали вести от латинской «интерпретации», видя в этих словах чуть ли не синонимы.

Однако оригинальный смысл герменевтики и родственных ей слов заключается в другом, скорее он противоположен экзегезе, обозначающей движение, направленное на проникновение в интенцию текста. Самым известным из древних определений герменевтики считается определение Аристотеля. У него выявился двойственный подход к ней, который вытекал из рассмотрения речи, во-первых, в плане «частей речи», и, во-вторых, в плане «артикулированного языка», способного обозначать. Эта двойственность определила впоследствии смысловое разделение античной герменевтики на риторику и диалектику. Однако Аристотель не провел четкой границы между ними. Он стремился к построению герменевтики, выходящей за рамки индивидуальной трактовки языкового смысла, то есть языка, формирующегося лишь в результате общения между людьми¹.

Филон Александрийский возвел риторическую функцию языка на особый пьедестал, не скупясь на художественное оформление последнего. Историю профессиональной экзегетики (разъяснения) начинают именно с него. При этом, однако, под влиянием ла-

тинской традиции забывают, что для текстов Филона остается характерным использование слов

в антропологическом контексте, точнее, в контексте аллегорической антропологии. Бог, заявляет Филон, доверил людям клад из трех частей: души (или интеллекта), чувства и языка. Они оказывают воздействие через мысли, образы и интерпретацию. По Филону, истинным следует считать два рода логоса: мысленный и произнесенный. Именно в последнем проявляется герменевтическое начало, конституирующееся посредством естественного инструмента — голоса, который вокальными средствами репродуцирует мысль. Следовательно, интересующая Филона дисциплина есть не что иное, как риторика, а не герменевтика, как могло показаться вначале².

Несомненно, как у Аристотеля, так и у Филона, герменевтика понимается как «интерпретация», но лишь в той мере, в какой это допускается, скажем, в музыке или в театре, в акте выражения ментального содержания сонорными и вербальными средствами. Из того, что герменевтика не совпадает с экзегезой, не следует, что она никогда таковой не является. Иоанн Скот Эриугена, переведя на латинский язык тексты Псевдо-Дионисия-Ареопагита и снабдив их комментариями, не знал, как назвать свой труд: переводом или интерпретацией. Сенека, слышавший среди философов как прекрасный интерпретатор, противопоставлял «темперамент созидателя» «глобальности комментатора», указав на то, что каждая характеристика укрывается в тени другой.

Несмотря на универсальную значимость герменевтики и то, что герменевтика издавна являлась составной частью философского и теологического учения о методе, форми-

рование ее как самостоятельной теорией произошло сравнительно недавно. Это было осуществлено представителем немецкого романтизма Ф. Шлейермахером, с одной стороны, и В. Дильтеем, последним из представителей «исторической школы», с другой.

Впервые герменевтические проблемы были методологически осознаны протестантскими теологами. Только в условиях религиозного раскола, порожденного лютеровским противопоставлением «принципа Писания» авторитету католической церкви, произошло то нарушение традиции, которое привело к «пробуждению сознания» герменевтической проблемы.

Гадамер отмечает, что Флиций Илирик, споря с догматической традицией трактовки Библии католической церковью, утверждает теологическую значимость основных положений гуманистического филологического искусства. На этом фоне вклад Спинозы в герменевтику предстает лишь как подготовительная работа по созданию исторического мышления³.

Иоганн Якоб Рамбах — один из наиболее влиятельных представителей герменевтики пиетизма, положивший начало направлению «психологической интерпретации». Предтечей «психологизма» герменевтики романтиков выступает Карл Филипп Мориц. В трудах Якоба Баумгартена происходит то слияние пиетистской и рационалистической традиции, которое положило путь подлинно исторической герменевтики. Совершенно новое звучание приобретает герменевтика у Гердера, поскольку ее темой являются не только традиционные для герменевтики религиозные и исторические тексты, но и поэтические. Ранняя история герменевтики осталась бы неполной без упоминания юридической герменевтики.

Ф. Шлейермахер рассматривает теологическую герменевтику и библейскую экзегетику как специальный случай общей герменевтической теории, которая совмещает два аспекта: языковую, грамматическую интерпретацию и интерпретацию психологическую. Фридрих Аст, ученик Шеллинга, дал ради-

ально спиритуалистическую трактовку герменевтики, основанием которой является пневматическая общность «духа». В соответствии с этим задачей герменевтики являются объединение греческой античности и христианства, восстановление изначально-го единства поэтической (пластической, или греческой) и религиозной (музыкальной, или христианской) жизни.

Идеи Шлейермахера нашли свое развитие у Германа Штайналя, принадлежащего к эпохе расцвета филологии XIX в. Штайналь отличает филологическое понимание от «обыденного» понимания: оно является опосредованным и находит свое завершение в психологической интерпретации. Историческая интерпретация, в отличие от экзегетики и филологии, для которых понимание текстов является самоцелью, рассматривает тексты как «первоисточники», а их истолкование — как средство к цели понимания исторических процессов. Таким образом, работа филолога является лишь предпосылкой исторического познания. Однако историческую действительность Дройзен трактует в духе старинной филологической герменевтики как книгу мировой истории, понимание которой является высшей, но никогда не выполнимой до конца задачей исторического исследования.

О том, какое влияние оказал Дильтей на методологию «наук о духе», свидетельствует творчество Эриха Ротхакера⁴. Дильтеевское обновление герменевтики романтизма оказало влияние на теологию, и в первую очередь на Рудольфа Бульмана. Его трактовка герменевтики показывает, что изменившаяся благодаря Хайдеггеру, а также косвенно благодаря критике диалектической теологией немецкого идеализма и неокантианства проблемная ситуация в герменевтике по-новому освещает и сам дильтеевский метод.

Хайдеггер, ученик Риккерта, а позднее — Гуссерля, под влиянием Аристотеля поставил знаменитый «вопрос о бытии». Благодаря молодому Лютеру ему открылась затем ограниченность греческого мышления о бытии. В этой связи проблемы историчности,

поставленные Дильтеем, Зиммелем и Трельчем, явились побудительным мотивом радикально нового подхода. Этому способствовало и то, что он, как ученик Гуссерля был знаком с феноменологическим анализом сознания, и в особенности сознания времени. Трудности, в плену которых оказалась гуссерлевская теория конституции сознания времени, продемонстрировали ему «онтологический предрассудок».

Проективную структуру человеческого бытия Хайдеггер характеризует при помощи герменевтических понятия «понимания» и «истолкования»⁵. Таким образом, этим традиционные для гуманитарных наук понятия получают совершенно новое освещение, в особенности благодаря тому, что «понимание» здесь всецело предопределено конститутивной «конечностью» человеческого бытия. Герменевтика у Хайдеггера вообще представляет собой не герменевтику понимания смысла, а «герменевтику фактичности» человеческого бытия, самопроявления и самоистолкования последнего. Таким образом, здесь сфера герменевтического понимания смысла покоится на фундаменте реальной историчности. В этой связи понимание, осуществляемое научным познанием, предстает как историческое событие, чья историческая обусловленность никогда не поддается полной объективации. Но тем самым преодолеваются традиционные для постановки проблемы герменевтики рамки методологии гуманитарного знания. Перед герменевтикой ставится специфически философская задача интеграции научного знания в универсальный процесс познания человеком самого себя.

Стремясь дать ответ на вопрос о целостности человеческого восприятия мира и жизненной практики, Гадамер, вслед за Хайдеггером, который называл язык «домом бытия», помещает в центр своей концепции язык как горизонт герменевтической онтологии. При этом, абсолютизируя язык, Гадамер фактически видит в нем единственное бытие, которое может быть познано и поэтому является основным предметом и сред-

ством герменевтики. Главная проблема герменевтики — проблема «понимания». В конечном счете, герменевтика — это «самосознание понимания» как основной способности человека. Всякое понимание есть воспроизводство уже существующих смыслов в процессе истолкования⁶.

В начале любого процесса понимания уже имеется некоторое предварительное представление о смысле целого явления («предпонимание» в терминологии Хайдеггера). Согласно Хайдеггеру, эта предварительная «подготовка» к пониманию смысла какого-то объекта основана на «готовых» предрассудках культурной традиции. Таким образом, не логические суждения, а историко-культурные представления определяют сущность человеческого мышления. Реальная проблема герменевтики — изучение конкретного смысла и подлинной интерпретации текстов.

Элементы герменевтического мышления особенно резко проявляются в периоды разложения старых и появления новых форм общественной жизни. Чем это можно объяснить? Дело в том, что пока существует доверие к существующим в обществе духовным системам, нет потребности истинного толкования этих систем. Переломные эпохи могут быть выражены через понятие «герменевтическая ситуация». На протяжении длительной истории своего существования герменевтика как метод многократно меняла свой облик. Она выступала в различных вариантах и в различных формах.

Представители герменевтики редуцируют понятие «мир» к понятию «мир языка», то есть того, что может быть мыслимо и высказано. В своей основной работе «Бытие и время», которая оказала огромное влияние на все дальнейшее развитие герменевтического мышления, Хайдеггер рассматривает понимание как экзистенциал, то есть как конститутивный элемент целостности человеческого бытия⁷.

При этом вместе с расширением объема понятия «понимание», которое включает в себя и одного человека, и языковые феномены, и исторические модификации, и струк-

туры смысла, изменяется и сам статус герменевтики. Как экзистенциальная аналитика бытия перестает быть у Хайдеггера учением об искусстве истолкования, оказываясь собственно самим истолкованием и попыткой определения сущности истолкования. Х. Г. Гадамер, опираясь на Шлейермахера, Дильтея и Хайдеггера, попытался разработать целостную философскую концепцию понимания⁸. Гадамер анализировал роль «предрассудка» в процессе понимания. Он приходил к выводу, что реализация идеала науки без предрассудка в настоящее время невозможна, так как еще не познана (а будет ли познана — неизвестно) сама сущность научного мышления.

Подобно Хайдеггеру, Гадамер исходит из того, что любой горизонт понимания исторически обусловлен. В этом смысле во взглядах и теориях, подлежащих герменевтическому истолкованию, имеются различные пласты и методы, осмысление которых должно быть дифференцировано. Вытекающие отсюда для философской теории понимания проблемы Гадамер пытается разрешить посредством теории потенциального слияния различных горизонтов понимания. Эта теория должна дать ответ на вопрос о том, каким образом определенный мыслитель с присущей ему исторической позицией, которую он не в состоянии изменить, может понять автора определенного текста, стоявшего на иных исторических позициях. В противоположность идущей от Шлейермахера традиции, согласно которой истолкование возможно посредством «постановки» истолковывающего историка на место автора подлежащего истолкования текста, Гадамер исключает такую возможность.

Тот факт, что Гадамер сводит историю к исторической деятельности, свидетельствует, с одной стороны, о попытках современной герменевтики модифицировать дильтеевскую редукцию «истории» к «историчности», чтобы противопоставить герменевтический способ мышления всем иным. Согласно Гадамеру, герменевтическая изоляция языковой сферой может быть преодолена с помо-

щью проблемной триады: язык — труд — государство. Можно проводить различие между герменевтикой как методом осознанной, опирающейся на определенные правила интерпретации текстов, фактов и герменевтикой как философской теорией понимания смысла. Герменевтика сегодня актуальна, ее тематизируют везде.

«Понимание» можно рассматривать как специфическую форму, позволяющую работать с конкретными данностями — «герменевтическими предметами». Они характеризуются двумя моментами. Во-первых, они являются данностями, которые всегда представляют нечто большее, чем «данное», то есть понимание специфическим образом трансцендирует непосредственно данное, проникая во «внутреннее», «глубинное», по отношению к которому непосредственно данное является «выражением», «объективизацией», «манифестацией», «знаком». Во-вторых, эти данности «специфически близки» человеку. Это обуславливает взаимосвязь субъекта и объекта понимания, что выражается термином «герменевтический круг».

Этот круг является центральной проблемой герменевтической теории. Можно при этом вычленил три понятия «понимания»: 1) понимание как понимающий опыт; 2) понимание как понимающая интерпретация; 3) понимание как руководящее и направляющее «пред-понимание». Систематизация герменевтической теории распадается далее на анализ «формальной» и «материальной» герменевтики. Под первой подразумевается общая герменевтика, значимая для любого понимания. Она, в свою очередь, распадается на «статику» и «динамику».

Герменевтическая статика исследует элементы, структуры, взаимосвязи процесса понимания, как они представлены в его онтологии и гносеологии. Динамика же рассматривает понимание как «событие»: с одной стороны, «синхроническое» — взаимодействие герменевтических концепций в современной полемике и с другой — историческую — «диакроническую» последовательность ведущих концепций герменевтики. «Материаль-

ная» же герменевтика исследует «материальные» основы и предпосылки, служащие фундаментом для различного рода конкретных герменевтических интерпретаций. Такowymi являются как объекты (антропологический объект или «произведенный» объект, текст), так и теории, примененные к конкретной сфере и дающие конкретное истолкование определенных герменевтических данностей.

Существует тесная связь между герменевтикой и риторикой, искусством понимания речи. Взаимоотношения между герменевтикой и поэтикой определяются тем, что последняя является учением об искусстве создания литературных произведений, тексты которых являются одним из центральных для герменевтики объектов. Что касается подразделения «герменевтика — семиотика» (последняя подразделяется на синтактику, семантику и прагматику), то здесь можно сделать следующие констатации: между герменевтикой и синтактикой нет связей; между герменевтикой и семантикой существуют известные взаимодействия; о лингвистической прагматике можно было бы сказать, что она является герменевтикой под маской бихевиористского учения о знаке, если бы переход между этими дисциплинами не отсутствовал с такой очевидностью.

Герменевтика выступает в качестве «метанауки», исследующей науку «извне», исходя из сферы «до-науки», то есть того «жизненного мира», в котором формируется специфически научная установка. Сфера «научного мира» с его критериями (объективность, интерсубъективные критерии истины и т. п.) констатируются установкой, лежащей вне науки и принадлежащей «естественному жизненному миру» и его «горизонту», то есть определенным историческим ситуациям, тенденциям развития и т. п.

Характеризуя свою философскую герменевтику, Гадамер, прежде всего, отмечает, что она исходит из того обоснования феномена понимания, которое было дано ранним Хайдеггером. В то же время она пытается проложить путь к науке. При этом Гадамер

исходит из того, что в трактовке позднего Хайдеггера человеческое бытие в некотором смысле объективируется в таких феноменах, как произведение искусства, находящаяся в жизненном контексте вещь, и, наконец, сфера языка, предопределяющего и артикулирующего мышление индивида.

В соответствии с этим интерпретирующие науки ставятся Гадамером в один ряд с творениями искусства и с языковым истолкованием человеческого миропонимания, поскольку во всех них равным образом отражена подлинная историчность человеческого бытия. Герменевтические науки более не являются самоцелью и приобретают тем самым характер действительной, продолжающей себя истории, который, конечно, был всегда им присущ, но методическое осознание которого достигнуто лишь теперь.

Свою собственную позицию Гадамер рассматривает как радикализацию воззрений Хайдеггера, выражающуюся в том, что, по его представлениям, понимание всегда необходимо выходит за рамки субъективного мнения интерпретируемого автора. У Хайдеггера «понимание» вообще не является «актом» субъективности, но представляет собой вид бытия. Сам Гадамер в своей герменевтике показывает на примере специального случая, понимания традиции, что понимание всегда является событием. Таким образом, здесь речь идет не только о том, что процесс понимания сопровождается сознанием, которое не опредмечивается, но уже о том, что понимание вообще неправомерно рассматривать как суверенное сознание, поскольку процесс понимания срачен с «событием». В понимании вообще нет свободы рефлексии, этого мнимого у себя-самого-бытия, настолько оно определено историчностью нашего существования.

Мысль о том, что язык есть способ истолкования мира, предшествующий любому уровню рефлексии, является тем поворотным пунктом, который привел развитие феноменологического мышления у Хайдеггера и его последователей к новым достижениям, в числе которых особо выделяются фило-

софские выводы из историзма. Это обнаруживает любая интерпретация текста, задачей которой являются преодоление его многозначности и установление однозначности его прочтения. Тем самым любая подлинная интерпретация порождает игру языка, ведущую к «исчезновению», «снятию» самой интерпретации.

Именно в этом направлении осуществляется критика субъективного сознания в XXI столетии. Язык и понятие настолько тесно связаны между собой, что если индивидуальное сознание претендует на философское познание, то оно не обладает никакой свободой произвольного употребления понятий, будучи связанным языком, который является не только языком говорящего, но и языком разговора, который ведут с ними вещи. Таким образом, философская тема языка — это та тема, в которой встречаются сегодня наука и человеческий жизненный опыт мира.

В этой связи Гадамер выделял в современной философии три великих партнера разговора, ведущегося через века. В первую очередь, это античная Греция. Ее современность для современного мышления основана на том, что там слово и понятие находятся еще в непосредственно текучей коммуникации. Греки остаются для нас образцом благодаря тому, что они сумели противостоять догматизму понятия и «насилию системы». Они могли мыслить феномены, породившие наш спор с собственной традицией, то есть феномены самости и самосознания, а тем самым и всю сферу этико-политического бытия, не впадая в апории современного субъективизма. Вторым партнером этого разговора является Кант и именно потому, что он раз и навсегда провел четкое различие между самомышлением и познанием. Даже если познание охватывает еще что-то иное, чем только математизированное естествознание и его способ переработки опыта, в любом случае одно несомненно: познание есть нечто иное, чем само-мышление, для которого никакой опыт не является основой подтверждения.

Третьим партнером является Гегель. Понятие духа, заимствованное Гегелем из христианской традиции спиритуализма и пробужденное им к новой жизни, лежит в основе всей критики субъективного духа — задачи, вставшей перед ними в послегегелевскую эпоху. Это понятие духа, трансцендирующее субъективность, находит свое подлинное соответствие в феномене языка, все более и более становящегося центральной темой современной философии. При этом оказывается, что по сравнению с понятием духа феномен языка более соответствует нашей человеческой конечности, будучи бесконечным как дух и в то же время конечным как всякое событие.

Было бы заблуждением считать, что в эпоху современного сциентизма мы более не нуждаемся в этих учителях. Предел, который был положен ими процессу тотального онаучивания нашего мира, есть нечто, что всегда предшествует науке.

Итак, философская герменевтика была поднята на новую ступень Гадамером, который использовал многие мотивы хайдеггеровской философии. Согласно его концепции, герменевтика призвана понять, что происходит в процессе истолкования. Структура интерпретации покоится на невыявленных предпосылках, которые не могут быть освещены никаким учением об истолковании.

Мы помним, что первоначальное значение слова «герменевтика» связано с правилами, необходимыми для интерпретации письменных документов. Понимание означает постижение — на основе всех видов знаков, всего, что имеет в виду иной субъект. Понятие истолкования является более узким. Оно соотносится с ограниченной категорией знаков — письменно зафиксированными знаками. Гуманитарные науки можно назвать герменевтическими, поскольку 1) предмет их исследования обладает некоторыми характеристиками, которые присущи тексту, и 2) их методология разрабатывает те же процедуры, что необходимы для интерпретации текста.

П. Рикер обращается к понятию «рассуждение», которое рассматривается им как процесс использования языка. Оно противопоставляется языку как системе. Здесь используется принятое в лингвистике различие языка и способа его употребления, кода и сообщения. Рассуждение обладает четырьмя основными характеристиками: 1) оно всегда реализуется во времени, а язык как система находится вне времени; 2) у него всегда есть субъект, оно рефлексивно, а язык лишен субъекта; 3) оно соотносено с миром, только в рассуждении актуализируется символическая функция языка (в языке как системе знаки соотносятся только друг с другом); 4) рассуждение реализует коммуникативную функцию языка, оно кому-то адресовано⁹.

С точки зрения теории понимания большее значение имеют и другие различия между языком и рассуждением, различно актуализирующиеся в устном и письменном варианте. Наличие субъекта устного рассуждения придает ему характер непосредственности, причем мнение субъекта устного рассуждения почти совпадает с его значением. В письменном рассуждении интенции автора более не совпадают со значением текста. Это расхождение является решающим момент при фиксации рассуждения. Отсюда не следует, что можно представлять текст без автора, связь между ними не прекращается, но приобретает более сложный характер. Устная и письменная речь различно соотносятся с миром. Устное рассуждение прямо соотносится с миром, точнее с непосредственным со-миром, а письменное — опосредованно,

оно соотносится не с со-миром, а с миром. В силу этого письменный текст может приобретать значение, не совпадающее с интенциями автора. Наконец, если устное рассуждение может быть адресовано только ограниченному числу присутствующих лиц, то письменное адресовано каждому, кто способен прочитать его. На этом основывается универсальность текста. Текст, как и действие, характеризуется многообразным смыслом, многоголосием, обусловленным отсутствием жесткой связи между смыслом текста и намерениями автора. Это ставит двойственную задачу конструирования или реконструкции смысла и обоснования выбранного варианта.

¹ См.: Аристотель. Сочинения в 4 томах, М., 1978. Т. 2. С. 95.

² См.: Иваницкий В. Ф. Филон Александрийский: жизнь и обзор литературной деятельности. Киев, 1911. С. 40.

³ См.: Gadamer H. Wahrheit und Methode, Tübingen, 1960. S. 40.

⁴ См.: Спирина Э. Философская антропология Э. Ротхакаера // Спектр антропологических учений. М., 2006.

⁵ См.: Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.

⁶ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 2002.

⁷ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

⁸ См.: Гадамер Х. Актуальность прекрасного. М., 1991.

⁹ См.: Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1997.